

*А. И. Кобзев**

Квадратура Круглова, или Новые похождения Чичикова

Аннотация. Статья представляет собой отклик на выступление В. В. Круглова на конференции «История, культура и язык Китая» (Москва, ИВ РАН, 27–28.10.2022), а также критический разбор его организационной, научной и околонаучной деятельности за последнее время: статьи, опубликованной в «Вестнике Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика» (2021. Т. 13. № 2); кандидатской диссертации, помимо ошибок и нелепостей содержащей явный плагиат; её скандальной защиты в диссертационном совете СПбГУ; организации в карьерных и корыстных целях Ассоциации преподавателей китайского языка с присвоением себе не существующей в ней должности; издания в 2022 г. учебника «Дипломатия. Китайский язык» с сомнительными грифами и вопреки негативным отзывам рецензентов; захвата тиража второго издания монографии А. М. Карапетьянца «Раннекитайская системология» и других самоуправных действий.

Ключевые слова: В. В. Круглов, А. М. Карапетьянц, А. Г. Сторожук, О. А. Масловец, Ассоциация преподавателей китайского языка

*Artem I. Kobzev***

Kruglov's Quadrature, or The New Adventures of Chichikov

Abstract. The article is a response to the speech of V. V. Kruglov at the conference «Chinese History, Culture and Language» (Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 27–28.10.2022), as well as a critical analysis of his recent organizational, scientific and near-scientific activities: his article published in the “Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies” (2021.

** *Кобзев Артем Игоревич*, д-р филос. наук, профессор, зав. отделом Китая Института востоковедения РАН (Москва), chinaires@ivran.ru, arkobzev@gmail.com

** *Kobzev Artem Igorevich*, Professor, Dr. Hab. (Philosophy), Head of China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), chinaires@ivran.ru, arkobzev@gmail.com

Vol. 13. No. 2); his Ph. D. thesis, which in addition to errors and absurdities contains obvious plagiarism; its scandalous defense in the dissertation council of St. Petersburg State University; his organizing of the Association of Chinese Language Teachers for career and selfish purposes and occupying a non-existing position in it; his publication of the textbook «Diplomacy. Chinese Language» in 2022, which contains dubious vultures and was published despite the negative reviews; the seizure of the circulation of the second edition of the monograph by A. M. Karapetyants "Early Chinese Systemology" and other arbitrary actions.

Keywords: V. V. Kruglov, A. M. Karapetyants, A. G. Storozhuk, O. A. Maslovets, Chinese Language Teachers Association

За полвека участия в десятках, а может быть даже сотнях, самых различных научных конференций я услышал, пожалуй, самое удивительное выступление под претенциозным названием «Рефлексия на исследование нумерологической традиции Древнего Китая». Прежде всего, загадочен его жанр. Согласно «Большому академическому словарю русского языка» (т. 23. М., 2014, с. 638–639), «рефлексия» – это «размышление о своём душевном состоянии, анализ своих мыслей, переживаний; самоанализ», из чего логически следует, что под критикуемым предавшимся рефлексии В. В. Кругловым, но интригующе не названным по имени «авторитетным исследователем» должен подразумеваться он сам. Казалось бы, прекрасный пример самокритики начинающего ученого, который при недавней попытке стать авторитетным исследователем древнекитайской нумерологии испытал сокрушительный разнос своей слабенькой и сомнительной, как осетрина второй свежести, диссертации со стороны нескольких весьма сведущих специалистов (см. ниже их отзывы). Далее, сразу насторожило обозначение в качестве соавтора безусловного авторитета в указанной теме А. М. Карапетьянца (1943–2021), который не мог быть ничьим соавтором почти через год после смерти. Поскольку в выступлении прозвучало высказывание о «сексуальной озабоченности», невольно возникла мысль о некрофильской склонности выступающего. Но он и сам предстал лишь в записи, а не в живом виде или хотя бы в живом эфире, что навяло предположение о его профессиональной самоликвидации от стыда, дематериализующем

себя присоединении к соавтору и отправке коллегам своего покаянного завещания, тем более что физическое отсутствие на конференции и на рабочих местах ранее объяснялось длительной и серьёзной болезнью. Однако перед зрителями предстала вполне здоровая и сытая физиономия скорее мнимого, чем реального больного.

Надо признать, что отечественная китаистика уже сталкивалась с подобным духовидением и обращением за поддержкой к мертвым авторитетам из-за полного отсутствия таковой среди живых коллег. Например, А. А. Крушинский объявил свои исследования всё той же древнекитайской нумерологии результатом «промыслительного путеводительства» со стороны Хуй Дуна 惠棟 (1697–1758), умершего почти за 200 лет до его рождения, а К. И. Шилин утверждал, что согласовал свои писания с самим Карлом Марксом (1818–1883).

Однако эти предположения о современной калиостровщине или чичиковщине прервало прозрение: «авторитетный исследователь», с недалеким намеком обозначенный аббревиатурой АИ, – вовсе не сам юный некрофил, заклинатель духов и любитель мертвых душ, а организовавший данную конференцию Артём Игоревич Кобзев, и следовательно, всё отдающее дешевой литературщиной видеопредставление являет собой не акт мистического покаяния, а заурядную фигу в кармане. Прозрение было вызвано узнаванием автором этих строк собственных утверждений, нелепо выраженных и глупо прокомментированных далеко ушедшим во всех смыслах видеоперсонажем, ранее не замеченным в таких профессиональных знаниях «нумерологической традиции Древнего Китая», которые позволяли бы критиковать кого-нибудь кроме самого себя. Отсутствие каких-либо ссылок на имена и публикации не позволяет серьёзно обсуждать столь самонадеянное словоблудие в недоброй памяти стиле «если кто-то кое-где у нас порой», но зато побуждает вскрыть его мутный и токсичный источник.

Обратившись к Мнемозине, я вспомнил, что впервые о соткавшемся из ниоткуда Хлестакове от синологии услышал в сентябре 2020 г., когда этот дотолем ничем не отмечившийся в китаеве-

дени персонаж со столь же говорящей фамилией, буйной фантазией и неумными амбициями вдруг сам себя выдвинул в Совет Европейской ассоциации китаеведения (EACS Board) и, разумеется, с треском провалился. Однако, не утомившись, он колом перекатился в родные пенаты и весной следующего года уже сам себя возвел в официально не существующий и потому разноименный ранг исполнительного директора или главы Исполнительного комитета другой ассоциации, как потом оказалось только что созданной для осуществления его личных карьерных планов, а именно: Ассоциации преподавателей китайского языка, с помощью которой предполагалось всё-таки прорубить окно в Европу уже не в одиночку, а с группой товарищей, за что, как известно, больше дают. Затея удалась, и в октябре 2021 г. новорожденное российское дитя вступило в одноименную европейскую ассоциацию, что показало признаки хорошо проработанной стратагемы, а не просто болезненной склонности к членству в ассоциациях у начинающего комбинатора, который заявляет о себе как о «члене Всемирной Ассоциации китайских исследований (WACS), Европейской Ассоциации китайских исследований (EACS), Европейской Ассоциации преподавателей китайского языка (EACT), Испанской Ассоциации восточноазиатских исследований (AEEAO), Германской Ассоциации китайских исследований (DVCS), Общества российско-китайской дружбы, Ассоциации учителей иностранных языков г. Москвы (направление «Китайский язык»), ООО «Ассоциация победителей олимпиад» (см.: <https://www.mgpu.ru/personal/kruglov-vladislav-vladislavovich/>; обращение 5.11.2022). На том же сайте МГПУ в разделе «О себе» он самозванно представил себя «главой Исполнительного комитета Ассоциации преподавателей китайского языка», хотя такая должность не предусмотрена уставом данной организации, согласно п. 6.3 которого у нее имеется председатель Исполнительного комитета, являющийся одновременно её президентом. О лёгкости присвоения себе и другим чинов, званий и степеней таким «главой Исполкома» свидетельствует, например, зачисление в Попечительский совет Ассоциации «доктора философских наук» С. М. Аниковой, этой степенью явно не обладающей.

На волне успеха подобной ярмарки тщеславия эффективный менеджер по торговле пустотой, которую предлагали «лопаты» прожорливые футуристы, хищения чужой должности и членства во всех доступных ассоциациях В. В. Круглов в паре с заезжей венской китайкой Цзягу Рихтер стал проталкивать в печать совместный «учебно-методический трёхязычный комплекс» «Дипломатия. Китайский язык», который, однако, профессиональные рецензенты из Дипломатической академии МИД и Новосибирского государственного университета сочли некондиционным и забраковали (см. ниже рецензии), но это ничуть не убавило пыл гиперактивного профессионального соавтора, пишущего в основном вместе со старшими товарищами и несмотря на разносную критику пробившего свой недозревший плод в печать в 2022 г., даже снабдив его самопальными грифами как якобы апробированного в «Венском университете, Венской дипломатической академии, МГИМО МИД России и Институте стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова» (ср. ниже сообщение его прямой начальницы О. А. Масловец).

Главные учредители инспирированной им мертворожденной ассоциации, по собственному признанию «близкие ему люди» А. М. Карапетьянц, А. Г. Сторожук (см.: https://gazeta.mgimo.ru/articles/Kruglov_chinese, обращение 5.11.2021), а также сам В. В. Круглов, сыграли свои главные роли в этой самодеятельной постановке через год: первый, правда уже будучи покойным, предстал в качестве научного руководителя последнего при изготовлении диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук с малограмотным названием «Терминология древнекитайского трактата Сицы чжуань (“Повествование привязанных слов”) и её проекция на фразеологию современного политического дискурса» («Си-цы чжуань» не трактат, а часть трактата «И цзина» / «Чжоу и», и в любом случае это название должно кавычиться или курсивиться), второй же возглавил диссертационный совет, в котором эта сомнительная продукция не без проблем и нарушений прошла защиту. О зашкаливающем невежестве и беззастенчивом словоблудии автора псевдодиссертации свидетельствуют буквально все её параметры. К примеру, одновременно

целью и материалом своего «исследования» он безумно объявил «рассмотрение существующих синоптических списков традиционной китайской философии и культуры» («Терминология ...», с. 9, 11), отнес к этим же материалам словарь «Хань-юй чэн-юй као-ши цы-дянь» 汉语成语考释词典, входящий в название которого бином *као-ши* 考释 ошибочно транскрибировал как *као'и* и неправильно перевел словом «комментарии» вместо «исследование и толкование/комментирование» (с. 11), а в списке литературы топонимическое определение издательства «Хэйлунцзянское» вообще передал на смеси французского с нижегородским как «Хэй Лонгдзяньское» (там же, с. 162, № 143).

Само обращение в диссертационный совет СПбГУ москвича, выпускника и преподавателя МГИМО, магистранта и преподавателя МГПУ, магистранта, преподавателя и соискателя ИСАА МГУ, скрывшегося в другой город как черт от ладана от собственных вузов, своей профильной кафедры китайской филологии и диссовета ИСАА, должно было вызвать подозрение и пристальное внимание у принимающей стороны, обязанной в таком случае как минимум привлечь к рассмотрению диссертации специалистов по её теме, прямо названных в ней самой. Однако это сделано не было, и, видимо, неслучайно, поскольку настоящие знатоки «Си-цы чжуани» с «проекциями» могли высказать много неласковых слов. Тем не менее и при подобном маловысоконаучном режиме наибольшего благоприятствования на диссертацию пришли три совершенно разгромных отзыва более чем компетентных специалистов, однако почему-то ни они в целом, ни представленные в них критические замечания не были оглашены на защите, что не только явилось явным нарушением стандартной процедуры, но и обесмыслило сам термин «защита».

Несмотря на очевидную любому специалисту правоту этой нелицеприятной критики, доказавшей несоответствие представленного текста надлежащим требованиям к диссертации, ранее мне не хотелось высказываться о последней, поскольку её украшало имя моего самого близкого коллеги и замечательного ученого А. М. Карапетьянца, с которым я сотрудничал и дружил около полувека. Достаточно сказать, что при жизни ему удалось издать

лишь две научные монографии: «У истоков китайской словесности» (М., 2010) и «Раннекитайская системология» (М., 2015), обе из которых были изданы в основанной мною и руководимой в качестве председателя редколлегии академической серии «Corpus Sericum», а во второй монографии я еще был ответственным редактором и автором предисловия. Поэтому абсурдные инсинуации со ссылкой на А. М. Карапетьянца, прозвучавшие 28 октября 2022 г. в Зале учёных советов ИВ РАН, кажутся бесстыдством и безрассудством, рассчитанным на невежд и граничащим с безумием.

Одновременно этот петушиный наскок смешон, напоминающая неумелый выстрел новобранца в самого себя, ибо значительная часть злополучной диссертации является прямым заимствованием из моих же работ, о чём можно судить хотя бы по следующему признанию автора: «Исходным материалом для дальнейшего исследования послужил синоптический список А. И. Кобзева, который при его составлении ставил “задачу реконструкции имманентного облика понятийно-категориального аппарата традиционной китайской философии” [Духовная культура Китая, 2011, с. 76] («Терминология...», с. 23). Правда эти «дальнейшие исследования» трудно отделимы от плагиата и одновременно свидетельствуют о непонимании диссертантом элементарных вещей, например что такое «синоптический список» и чем понятие отличается от слова.

К примеру, первый и главный вывод диссертации сформулирован так: «В ходе исследования терминологического аппарата древнекитайского трактата “Сицы чжуань” мы пришли к следующим выводам: 1. Синоптические списки традиционной китайской философии и культуры, составленные Джозефом Нидэмом, Чэнь Юнцзе, У И, А. И. Кобзевым и А. М. Карапетьянцем, служат методологической основой исследования терминологического аппарата древнекитайских памятников» (там же, с. 48). Однако в природе не существует не только никаких «синоптических списков традиционной китайской философии и культуры», но и синоптических **списков категорий и основных понятий** традиционной китайской философии и культуры Дж. Нидэма, Чэнь Юнцзе (точнее Чэнь Жун-цзе 陳榮捷, 1901–1994), У И (吳怡, 1939 г. р.) и А. М. Карапетьянца, потому что их подразумеваемые списки не являются

синоптическими. Проблема не только в том, что всю информацию о них диссертант почерпнул не из трудов указанных авторов, а из их изложения в моих публикациях на данную тему, которой я занимаюсь более сорока лет и к первому коллективному обсуждению которой привлек ведущих отечественных синологов ещё в 1983 г. (см.: Народы Азии и Африки. 1983, № 3, с. 61–95), но гораздо более в том, что он её не понял даже в научно-популярном изложении энциклопедии «Духовная культура Китая» (т. 1. М., 2006/2011, с. 66–81). Весьма показательно, что в разделе «Литература на китайском языке» списка литературы его так называемого исследования («Терминология...», с. 162–165) нет ни одного издания с указанием страниц в отличие от изданий на русском и западном языках в других разделах. Это легко объясняется тем, что все соответствующие публикации ничтоже сумняшеся переписаны из библиографии к моей статье «Категории и основные понятия китайской философии и культуры» в энциклопедии «Духовная культура Китая» (т. 1, с. 81), где страницы не указаны, и вряд ли наш скороспелый «исследователь» держал их в руках. Да и описания западных работ в диссертации страдают многочисленными ошибками, вызывающими сомнение в реальном знакомстве с ними.

Историография проблемы в ней представлена настолько халтурно, что впору заподозрить автора в невменяемости. Достаточно взглянуть на начало этого полубреда: «В 1950-е годы историк китайской философии Чэнь Юнцзе предложил синоптический список из 112 знаков в 74 позициях [Chan Wing-tsit, 1963]. Основным отличием от других синоптических списков было расположение всех центральных понятий традиционной китайской философии в связанном тексте, где прослеживается тесная взаимосвязь всех терминов. Версия, на которую мы ссылаемся, представляет собой документ в шесть листов (1952), хранящийся в отделе китайских исследований Бодлеановской библиотеки (Оксфорд), а публикация в виде монографии вышла гораздо позже – в 1963 году» («Терминология...», с. 21). Во-первых, очень странно, говоря о 1950-х годах, ссылаться на публикацию 1963 г. Во-вторых, этой публикации, далее обозначенной кодом [Chan Wing-tsit, 1963] (там же, с. 213), нет в списке литературы ни на русском (с. 150–166), ни на английском языке

(с. 330–347). В-третьих, ранее, на с. 7, в качестве этого же источника названа также отсутствующая в списке литературы «Книга-источник по китайской философии» Чэнь Юнцзе 1956 г., и, кстати, там же «специальным философским словарем, издаваемым в КНР» назван «Словарь Цыхай» (написание авторское), который, как известно, не является «специальным философским» и стал издаваться задолго до образования КНР. Далее, в английском варианте диссертации, на с. 201, эта «книга-источник» возникает под своим оригинальным наименованием «Chan Wing-tsit "A Source Book in Chinese Philosophy" (1956)», и в тексте появляется ещё один объявленный базовым источник для построений диссертанта «Chan Wing-tsit (1956)» (там же, с. 204), равно как и предыдущий, не указанный в списке литературы. В-четвёртых, последний содержит лишь одну статью Чэнь Жун-цзе: Chan Wing-tsit. Basic Chinese Philosophical Concepts. PEW, 1952, vol. 2, No. 2 (там же, с. 161, 341), о которой диссертант, очевидно, узнал из моих работ и которую вряд ли читал, равно как и антологию "A Source Book in Chinese Philosophy", которая впервые увидела свет в 1963 г. и в этом издании упоминалась в книге А. М. Карапетьянца «У истоков китайской словесности» (с. 474), откуда он ее, видимо, и срисовал, не удосужившись в нее заглянуть и даже поленившись раскрыть в диссертации аббревиатуру PEW. Его заявление о «синоптическом списке из 112 знаков в 74 позициях» не соответствует ни одному из этих вариантов. Вовсе не синоптический список Чэнь Жун-цзе, действительно опубликованный в статье 1952 г., состоит из 115 знаков в 77 позициях. А в приложении к его антологии есть только список переводов 19 китайских философских терминов (Chan Wing-tsit. A Source Book in Chinese Philosophy. Princeton, N.J.; London, p. 783–791). В-пятых, никак библиографически не описанная и нигде не опубликованная некая версия на шести листах 1952 г. из Бодлеановской библиотеки продолжает оставаться загадкой, а утверждение, что она в 1963 г. вышла в виде монографии, – полная ерунда. В-шестых, голословное заявление об этой таинственной версии, будто её «основным отличием от других синоптических списков было расположение всех центральных понятий традиционной китайской философии в связанном тексте, где прослеживается тесная взаимосвязь всех

терминов», ни на чём не основано и кажется ошибочным переносом характеристики, которую дал моей версии А. М. Карапетьянц: «100-элементный список категорий, предложенный А. И. Кобзевым (в уточненном виде опубликован в [ДКК (т. е. «Духовной культуре Китая». – А.К.), т. 1, 2006]), несомненно можно считать исходным, а принципы, на которых он построен, – основополагающими. Здесь впервые достигнута высокая степень структурированности, достаточно полное указание взаимосвязей и разумная ограниченность» («У истоков китайской словесности», с. 115).

В этой связи хотелось бы также спросить уважаемых оппонентов и рецензентов, как может кандидат филологических наук писать о «переводе понятий» (там же, с. 24, примеч. 9) и о том, что «помимо общепринятого значения “небо”, у понятия 天 *тянь* есть ещё, по крайней мере, пять значений» («Терминология ...», с. 45), – когда даже школьнику известно, что переводятся слова и предложения, а не понятия, и значения присущи словам, а не понятиям? Но еще хуже этой безграмотности простота, которая, в свою очередь, хуже воровства.

Обманутым и обобраным также оказался пожилой и тяжело болевший последние годы, а потому утративший бдительность к киднепину и схематозу научный руководитель диссертанта, у которого он как у президента Ассоциации преподавателей китайского языка умыкнул должность председателя Исполнительного комитета, переименовав в несуществующую должность его главы или директора. Но это цветочки по сравнению с некорректным заимствованием творческого наследия заслуженного профессора МГУ, что, к примеру, легко заметит любой отечественный ищущий, взглянув на приложенное к диссертации «Переложение древнекитайского трактата “Сицы чжуань” («Повествование привязанных слов») на русский язык» (там же, с. 169–189), которое сначала было названо переводом (там же, с. 30, примеч. 9), а потом, видимо для конспирации, – переложением и представляет собой закамуфлированный синонимическими заменами некоторых слов соответствующий перевод А. М. Карапетьянца, в чём можно убедиться, заглянув в одну из его вышеупомянутых книг («Раннекитайская системология», с. 362–363). Даже эта ядовитая «ягодка»

свидетельствует о неистребимой и глупой халтурности, ибо механически позаимствованный у А. М. Карапетьянца перевод термина *чжуань* 傳 словом «повествование» тут же противоречит его переводу в названиях всех остальных «Десяти крыльев» «И цзина» словом «комментарий» («Терминология ...», с. 11), позаимствованным из других источников и по забывчивости иногда применяемым к «Си-цы чжуани» (там же, с. 24), уж не говоря о неспособности правильно перевести и понять в данном произведении элементарное сочетание *ши ю ба* 十有八 (буквально «десять с восьмью», т. е. 18), которое представлено обесмысливающим контекст числом 28 (там же, с. 175).

На первой же странице очень странного, совершенно не похожего на сочинение А. М. Карапетьянца и подписанного за шесть дней до его смерти, отзыва научного руководителя на диссертацию повторено сказанное в ней же на с. 17: «В ходе работы автор собрал обширный материал в архивах Оксфорда, Парижа и Санкт-Петербурга, исследовал мавандуйский список Сицы чжуань в г. Чанша (КНР)». Во-первых, А. М. Карапетьянц был высокообразованным учёным и грамотно писал название «Си-цы чжуань» в кавычках, без дезориентирующего слияния двух первых слов и со склонением последнего (см., например, «Раннекитайская системология», с. 362, 399, 562). Во-вторых, в диссертации нет никаких внятных результатов от «собрания обширных материалов в архивах Оксфорда, Парижа и Санкт-Петербурга». В-третьих, нет никакой нужды безумно отправляться на край света в эпицентр пандемии за мавандуйским списком «Си-цы чжуани», который за полвека со времени своего обнаружения многократно публиковался. А вот что точно следовало сделать, так это указать его конкретную публикацию, которую должен был использовать диссертант, поскольку имеются расхождения в транскрипциях и реконструкциях ветхой рукописи более чем двухтысячелетней давности. Однако «собиратель обширного материала», видимо, сам не понимал, что писал или переписывал, до такой степени, что даже не удосужился указать в списке литературы диссертации о «Си-цы чжуани» хоть какую-нибудь публикацию данного памятника.

Подобные нечистоплотные и неумелые экзерсисы я обнаружил ещё весной 2021 г., когда из «Вестника СПбГУ» получил на рецензию статью не названного, но легко опознаваемого автора, в которой наряду со всяческим елеем в мой адрес присутствовали и беззастенчивые заимствования из моих трудов, а также разного рода ляпсусы. Всё это я отразил в прилагаемой ниже нелицеприятной, но опять же из уважения к А. М. Карапетьянцу смягченной рецензии. Эта статья под несуразным названием «Бытийно-динамические понятия традиции “Ицзина” и модель их лингвокультурологического анализа» с небольшими исправлениями вышла в «Вестнике Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика» (2021. Т. 13. № 2, с. 252–266) и стала одной из главных публикаций, передающих содержание диссертации В. В. Круглова.

На том специальная операция «Ассоциация», плавно перешедшая в спецоперацию «Диссертация», завершилась, мавр сделал своё дело, и утратившая президента А. М. Карапетьянца Ассоциация преподавателей китайского языка чуть было не приказала своим членам долго жить, поскольку всякая деятельность прекратилась, а членские взносы и прочие поступления исчезли при попустительстве опытного в ресторанном бизнесе бухгалтера и по совместительству матери «исполнительного директора» О. Ю. Владимировой (см. ниже отчёт Контрольно-ревизионной комиссии). «Милый друг маменька» ещё раньше своего «исполнительного директора» и по совместительству сына применила технику оживления покойников имени «магистра белой практической магии» Ю. А. Лонго выслал в налоговую инспекцию финансовый отчёт Ассоциации за подписью её умершего президента А. М. Карапетьянца (см. ниже сообщение О. А. Масловец). Пропал и прихваченный не по возрасту резвым дитятей опубликованный под эгидой Ассоциации в 2021 г., но скрытый даже от её соучредителя и нынешнего президента Т. В. Ивченко тираж второго издания «Раннекитайской системологии». При его подготовке от меня как ответственного редактора и автора предисловия ушлые издатели сначала потребовали безвозмездной передачи эксклюзивного авторского права, а потом согласились на неэксклю-

живное. Печальнее же всего не это полудетское хитрованство, а отсутствие до сих пор у заинтересованных читателей давно вышедший в свет прекрасной книги, которую неверный и недостойный ученик её автора зачем-то положил под спуд.

Бесславно увядающая Ассоциация разочаровала и своего «исполнительного директора», который побудил её члена и главного китайского партнера Международную издательскую компанию «Шанс» создать ещё одну ассоциацию, хотя и эта ловкая затея провалилась, так как ООО «Шанс» в июле 2022 г. зарегистрировало Ассоциацию китаеведения и преподавания китайского языка в качестве собственного подразделения, что не соответствует ни обычному смыслу слова «ассоциация», ни его определению в ст. 123 ГК РФ. Тем не менее от имени этой квазиассоциации неугомонный Круглов в виде злонамеренно, но бессмысленно говорящей головы проник на конференцию «История, культура и язык Китая», где первоначально предполагалась презентация очередной ассоциации. При наведении справок о столь странном поведении выяснилось, что наш оборотистый колобок, де-юре уйдя в многомесячную болезнь, де-факто укатился совсем далеко, за океан, где то ли организует очередную ассоциацию уже по-чапаевски в мировом масштабе, то ли совсем не по-чапаевски скрывается от мобилизации, то ли сказывается в нетях, банально оттягивая конец своего пребывания на основном рабочем месте в МГИМО, где не замечен ни в директорстве, ни в исполнительности. Надо иметь особый талант склочника и разгильдяя, чтобы всего лишь через год работы в альма-матер умудриться получить два выговора за бездельничанье и обман от поначалу весьма благожелательного к нему начальства и, в частности, завкафедрой О. А. Масловец, которую сам называл «близким мне человеком» (см.: https://gazeta.mgimo.ru/articles/Kruglov_chinese, обращение 5.11.2021; а также документы ниже). Видимо, злостный нарушитель трудовой дисциплины счёл слишком скромной для себя должность простого преподавателя при обладании уже несколькими директорскими постами, пусть даже фантазийными или эфемерными (кроме Исполнительного комитета Ассоциации ещё и Центра языков стран Европы и Азии Школы Центра педагогического мастерства Москвы).